

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: «Ресепция фольклорной сказки в творчестве Ефима Честнякова»

Исполнитель _____ Шабс Анна Павловна _____

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат педагогических наук _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Дорофеева Марина Георгиевна _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующая кафедрой _____

(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____

(фамилия, имя, отчество)

«15» марта 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2025

Содержание

Введение	3
Глава 1. Сказка фольклорная и литературная	5
1.1. Фольклорные корни русской литературы	5
1.2. Жанровое своеобразие фольклорной и авторской сказки	13
Выводы по первой главе	21
Глава 2. Художественный мир сказок Ефима Честнякова.....	24
2.1. Художественное своеобразие литературного творчества Ефима Честнякова.....	25
2.2. Фольклорные корни сказок Ефима Честнякова.....	33
Выводы по второй главе	44
Заключение	47
Список литературы	51

Введение

Данная выпускная квалификационная работа посвящена исследованию рецепции народной сказки в творчестве Ефима Васильевича Честнякова.

В декабре 2024 года исполнилось 150 лет со дня рождения уникального русского художника и писателя – Ефима Васильевича Честнякова. Его имя стоит в ряду таких деятелей русской культуры XX века, как Б.В. Шергин, С.Г. Писахов, И.Ф. Ковалев. Этим авторов объединяло стремление сохранить драгоценное народное слово, включив его в авторский сказочный текст.

Творчество Е.В. Честнякова является объектом изучения специалистов разных гуманитарных дисциплин – литературоведов и лингвистов, искусствоведов и культурологов, так как оно в разных формах отражает глубокие связи с традиционной народной культурой, с русским диалектным (костромским) говором и, конечно, с русским фольклором. Русский фольклор обогатил сказки Честнякова художественными поэтическими средствами народной поэзии.

Исследователи уделяли значительное внимание литературному творчеству Честнякова, тем не менее, в сопоставлении его сказок с фольклорными источниками, на наш взгляд, остались лакуны. Этот пробел в исследованиях требует заполнения, поскольку именно такой подход позволяет выявить уникальные черты художественного метода Честнякова и оценить степень его влияния на современную литературу и искусство. Этим и определяется **актуальность** нашего исследования.

Научная новизна связана с тем, что сопоставление сказок Честнякова с фольклорными прототипами помогает уточнить представление о роли фольклора в творчестве писателя, позволяет не только глубже понять его творческий метод, но и выявить те элементы, которые делают произведения Честнякова неповторимыми, уникальными.

Объектом исследования являются сказки Ефима Честнякова.

Предметом изучения является фольклорная основа сказок Ефима Честнякова.

Цель работы: проанализировать сказки Ефима Честнякова в контексте фольклорной сказочной традиции.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить литературу и источники по теме ВКР.
2. Выявить общее и особенное в фольклоре и авторской литературе.
3. Исследовать жанровые особенности русской волшебной сказки.
4. Проанализировать индивидуально-авторскую манеру Е. Честнякова.
5. Сделать выводы о роли фольклора в создании Е. Честняковым своих сказок.

Теоретико-методологической основой исследования стали работы, посвященные народному творчеству, ученых-литературоведов и фольклористов А.Н. Никифорова, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Д. С. Лихачева, Д. Н. Медриша, В. П. Адриановой-Перетц, Е. В. Померанцевой и др., а также специалистов по творчеству Е.В. Честнякова – И.А. Евдошиной, Г.Д. Негановой, В. И. Калугина, И.С. Шаваринского и др.

Для решения указанных задач в работе используются следующие **методы исследования**: сравнительно-сопоставительный, метод анализа и синтеза, метод наблюдения.

Материалом для исследования послужили тексты сказок Е.В. Честнякова из сборника «Сказки, баллады, фантазии» (2012) и др.

Практический потенциал данной работы может быть реализован посредством выводов о фольклорных приемах в творчестве Е. Честнякова в качестве опорного материала в исследованиях студентов высшего профессионального образования, изучающих творчество этого писателя, а также для проведения лекция по народному творчеству и сказкам.

Структура выпускной квалифицированной работы: исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, который включает 56 источников.

ГЛАВА 1. СКАЗКА ФОЛЬКЛОРНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

1.1. Фольклорные корни русской литературы

В этом параграфе мы сопоставим два вида словесного искусства – письменную литературу и устное народное творчество; выявим как общие черты их, так и особенности; а также покажем, как фольклор влиял на развитие русской авторской литературы.

Произведения устного народного творчества и авторская письменная литература представляют собой два вида словесности. Несмотря на то, что оба этих вида имеют общее, являясь произведениями словесного искусства, – между ними существует ряд существенных отличий.

Сопоставлением фольклора и литературы занимались многие ученые, например, такие как Дмитрий Сергеевич Лихачев, Владимир Яковлевич Пропп, Варвара Павловна Адрианова-Перетц, Эрна Васильевна Померанцева, Виктор Ильич Калугин, Евгений Алексеевич Костюхин и многие другие.

Фольклор являлся и словесным искусством, и частью жизни и мировоззрения народа. Термин "фольклор" в переводе с англ. folklore означает "народная мудрость".

Фольклор, по определению фольклориста К. В. Чистова, есть «совокупность устных словесных текстов (структур), функционирующих (или функционировавших) в быту какого-либо этноса или его какой-либо локальной, конфессиональной, профессиональной или иной первичной контактной группы» [52, с. 6].

В словаре литературоведческих терминов Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева можно найти следующую дефиницию: «В отличие от мифов (бессознательной формы художественного творчества и особой формы верований) фольклор – особый вид искусства» [44].

Итак, фольклор является особым видом искусства.

Каковы же его отличительные черты?

Вопрос о своеобразии фольклора по сравнению с художественной литературой был дискуссионным. Понадобилось время, чтобы доказать, что, фольклор «обладает специфическими особенностями своей поэтики, отличными от методов профессионального художественного творчества» [36].

Отличие между этими двумя художественными системами подчеркивал и академик Д.С. Лихачев: «Фольклор и литература противостоят друг другу не только как две в известной мере самостоятельные системы жанров, но и как два различных мировоззрения, два различных художественных метода» [25]. Отношение писателя и народного поэта к историческим событиям, их оценка происходящего, задачи художественного воспроизведения жизни через слово, а также методы, применяемые для выполнения этих задач, составляют основную область сравнительного анализа при исследовании проблемы взаимоотношений литературы и фольклора.

Опираясь на материал, расположенный в учебном пособии «Лекции по русскому фольклору» Е. А. Костюхина, мы установили, что специфическими чертами фольклора как вида словесного искусства являются:

- 1) устный характер бытования;
- 2) синкретизм (единство словесного, музыкального, театрального и т.д. рядов);
- 3) вариативность;
- 4) коллективный характер;
- 5) формульность [21, с. 13-19].

Рассмотрим подробнее каждый параметр.

Устный характер бытования – самая очевидная черта фольклора. Народная словесность (как до середины XIX века называли в России фольклорные тексты) долгие века не имела письменной фиксации, во-первых, потому, что народ не владел письменной грамотностью, во-вторых, тексты фольклора напрямую были связаны с бытом народа, использовались

ежедневно (например, пословицы, поговорки, колыбельные и др. жанры). Передаваемые от старшего поколения к младшим, эти тексты запоминались, заучивались, как правило, в детстве. Известная народная сказительница Русского Севера Мария Кривополенова, например, выучила огромное количество старин, песен, причетов и т.д. от своего деда.

С устным характером бытования фольклора напрямую связана следующая черта фольклора – его синкретизм. Как правило, звучащее фольклорное слово сопровождалось музыкой, танцевальными движениями, актерскими приемами, привлекающими внимание слушателей.

К ярким фольклорным особенностям относится, безусловно, его вариативность. «В фольклоре нет постоянного или, как говорят текстологи, канонического текста: он всё время варьируется» [21, с. 14]. Все варианты равноправны. Признавать их как родственные, схожие позволяет некоторая модель текста, которая касается сюжета, коллизий, финала, мотивов и т.д. В письменной авторской литературе, если есть разные версии одного и того же текста, какой-то один вариант признают за окончательный, канонический. Это качество фольклора особенно важно выделить в контексте нашей выпускной квалификационной работы.

Аноним – это какой-то конкретный человек, по каким-то известным лишь ему причинам не желающий ставить свою подпись под текстом. Но он, это автор, подразумевается. Фольклорный текст принципиально не такой: у него нет одного какого-то автора. Это связано с более глубоким качеством народного творчества: фольклорные произведения отражают не индивидуальную точку зрения, а именно взгляд коллектива, т.е. какого-то сообщества людей (деревни, района, края, профессиональной или религиозной группы и т.п.). В этом смысле фольклор – коллективное творчество.

И наконец, формульность фольклора.

Это качество фольклора связано не только с коллективным характером народного творчества, но и с устойчивостью фольклорной традиции. Как люди в былые времена запоминали огромное количество текстов народной

словесности? Во многом этому способствовали как раз т.н. «формулы» - словесные клише, устойчивые словосочетания, фразы.

Итак, под формульностью фольклорного текста понимается использование большого количества устойчивых оборотов, клише, общих мест (*loci communes*), повторяющихся как внутри текстов, принадлежащих одному жанру, так и в текстах разных жанров. Формульность хорошо изучена фольклористами. Ее рассматривают как проявление традиционности и поэтому «как основное, определяющее свойство фольклора», и как «важнейшую черту языковой специфики фольклора» [10, с. 228], как одно из «технических средств», используемых сказителем [6].

Исследователь Г. И. Мальцев понимал под формульностью «художественные стереотипы». В книге «Традиционные формулы русской необрядовой лирики» он писал: «Эти устойчивые компоненты традиционного текста – постоянные эпитеты, устойчивые сравнения и тропы, «типические», «общие места», «подвижные отрывки», тематические стандарты, стилистические клише, образные стереотипы и т. п. – оформляют ситуации, образы персонажей, их чувства, действия, характеристики, речи, изображение природы, течение времени и т. д. вплоть до мельчайших стилистических деталей» [26, с. 3].

В фольклористике традиционные формулы классифицируются по нескольким критериям. В первую очередь разделяют общефольклорные традиционные формулы, используемые во всех жанрах фольклора (например, постоянные эпитеты вроде «добрый молодец», «красна девица», «тугой лук», «ночка темная», «змея подколотная» и т.п.), и формулы, характерные для того или иного жанра, например, для волшебной сказки (инициальные, медиальные, финальные формулы и т.д.).

Фольклор возникает на ранних этапах развития человечества, когда люди еще был полностью зависели от природы и видели в ней угрозу для себя и своего рода. Тип сознания, определяющий восприятие мира и поведение древних людей, ученые называют мифологическим. В основе такого типа

сознания лежит вера в магические силы различных явлений окружающего мира и его объектов.

Следует также отметить, что фольклорные корни русской литературы уходят глубоко в историю русского народа. Для изучения данной проблемы обратимся к истории древнерусской литературы, так как русский фольклор во многом развивался параллельно возникшей в Древней Руси письменной литературе. Как считает крупнейший отечественный литературовед В. П. Адрианова-Перетц: «Проблема взаимоотношения в Древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотнесения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости» [1, с.8].

В Древней Руси сказки подвергались пренебрежению, официальному презрению, считались как нечто недостойное, а также становились объектом преследования. Именно поэтому в определённый период сказки не фиксировались как текст и сохранялись только в форме устного творчества. Однако и здесь были запреты – так как в Древней Руси главенствовала церковь, она отрицала всевозможные проявления народной культуры. Считалось, что сказки пропагандируют языческие традиции предков, что было категорически неприемлемо для христианского духовенства и ставило под угрозу существование церкви. Такое отношение религии к народным развлечениям отражается на протяжении всего средневековья. А позднее к данным запретам присоединяется и правительство — в 1649 появляется указ Алексея Михайловича, где строго запрещается колядовать, загадывать загадки и рассказывать сказки. Несмотря на вышеперечисленные факты - сказка в народе существовала и проникала в литературу, несмотря на запреты.

В начале XVIII века ряд причин приводит к крушению старого феодально-патриархального строя - вступление России в число великих европейских держав, развитие культурных связей с Западной Европой, реформы Петра и в последствии появляется светская культура, а церковные традиции утрачивают свою значимость. Создавалась и светская литература, в

основе которой лежало словесное искусство народа, которое всегда в основе своей носило внецерковный характер.

С конца XVII века наблюдается стремительный рост числа представителей среднего и мелкого городского населения. В этой среде возникает потребность в письменной повествовательной литературе, предназначенной не только для устного рассказывания, но и для чтения. Благодетельные средневековые повести уже не отвечают новым литературным требованиям. Первые импульсы приходят из Западной Европы, проникая к нам через Польшу. Удивительно, но инициаторами составления повествовательных сборников становятся представители церкви.

С конца XVII века начинается быстрый рост слоя среднего и мелкого городского люда. В этой среде создается спрос на письменную повествовательную литературу, которую можно было бы не только рассказывать, но и читать. Благодетельные повести средних веков перестают удовлетворять литературным запросам этой среды. Первые веяния идут из Западной Европы и проникают к нам через Польшу. Как это ни странно, но первыми составителями повествовательных сборников были церковники. В католическом богослужении принято в церквях произносить назидательные проповеди. Проповеди эти бывали абстрактны, скучны, уже с началом проповеди прихожане часто разбегались. Чтобы удержать их, чтобы заставить их слушать, проповеди уснащались интересными рассказами, которым придавалось какое-нибудь нравоучительное или религиозно-философское толкование. С целью такого использования создавались сборники рассказов. Эти сборники для фольклористов — драгоценные сокровищницы. Рассказы в них в значительной степени фольклорного происхождения. Они получили широкое распространение, были очень популярны, переводились на языки Европы и дошли до нас. [5, с. 69 – 86].

Один из известнейших таких примеров, который также рассматривается в работе Проппа [35, с. 59] – «Великое зеркало». Это русская версия латинского

сборника, составленного в 1480 г. в Нидерландах. На Руси стала известна благодаря двум переводам. Первый был выполнен служащими Посольского приказа по повелению царя Алексея Михайловича (1670 г.) и отличался тяжелым стилем. А второй был осуществлен в 1690 г. и вошел в число самых читаемых книг. Многие концепции, представленные в латинском сборнике, нашли отклик в русской реальности конца XVII века. Огромный успех этого издания был обусловлен его схожестью с жанрами прологов и патериков, которые являлись популярными "народными книгами" в эпоху Средневековья. "Великое зеркало" объединило в себе легенды, заимствованные из культурных традиций Синая, Скита, Египта, а также, в особенности, Рима.

У литературы как искусства слова также есть свои особенности. Главное отличие литературы от фольклора – это наличие автора и зафиксированного на письме текста.

Кроме этого, если во время исполнения текста фольклора между слушателем и исполнителем нет временного промежутка (действие происходит здесь и сейчас), то при восприятии литературного текста между автором и читателем существует временной разрыв (иногда это тысячелетия, столетия, годы и т.п.). Вот как об этом сказал исследователь К. В. Чистов: «Фольклорная коммуникация – это коммуникация прямая (от человека к человеку) и устная. Поэтому текст, который сказочник или певец исполняет, ориентирован на слушателя и предполагает использование кода, которым владеет слушатель, - естественный язык, система поэтических стереотипов, традиционные сюжеты, традиционные обрядовые нормы и т.п.» [51, с. 91].

Отличия между литературой и фольклором касаются и поэтики. Если для устной словесности характерна традиционность и устойчивость на уровне художественных средств (формульность), то для авторской литературы требуется оригинальность, свежесть словоупотребления, связанного напрямую с проявлением индивидуального взгляда на мир, человека и т.п.

Русский фольклор и русская литература тесно связаны между собой. Русский фольклор в классическую пору своего развития испытал на себе воздействие письменной литературы. Однако и народное словесное творчество серьезно повлияло на становление и развитие русской национальной литературы.

В русской литературе и XIX, и XX века много произведений, созданных на основе народного творчества. Например, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя; сатирические сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина («Как один мужик двух генералов прокормил», «Дикий помещик», «Премудрый пескарь»), «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова и многие другие.

К слову, Некрасов искусно применил фольклорные элементы для того, чтобы оживить и обогатить свою поэму «Кому на Руси жить хорошо» «народной мудростью», народным взглядом на жизнь. Сюжет произведения напоминает народный сказ о поиске истины и счастья. Обращение поэта к этому сюжету обусловлено его осознанием изменений в обществе и пробуждением крестьянского сознания. В целом, фольклорные мотивы в поэме помогают раскрыть характер и дух русского народа, передать его традиции и ценности.

В русской комедии данного периода традиции фольклора проявлялись в том, что авторы разрабатывали линию малых форм фольклора, в частности пословиц, и стилизовали речь персонажей по аналогии с ними, создавая афоризм. Например, это можно увидеть в комедиях А. С. Грибоедова.

К фольклору обращались такие поэты и писатели XIX века, как А. С. Пушкин, В. И. Даль, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Н. А. Некрасов и многие другие. В XX веке к народной словесной традиции И. А. Бунин, А. А. Блок, М. И. Цветаева, М. М. Пришвин, К. Г. Паустовский, С. Г. Писахов, Б. В. Шергин, В. И. Белов, В. М. Шукшин и др.

Д.Н. Медриш, выдающийся советский и российский литературовед и фольклорист, глубоко исследовал фольклорную традицию. Одним из ключевых научных положений Медриша являлось преодоление многолетнего

противопоставления фольклора и литературы как принципиально различных видов искусства, о чём писали, например, В. Адрианова-Перетц или Д. Лихачев. Вместо этого учёный утверждал их типологическое и структурное сходство. Кроме того, Медриш продемонстрировал, что некоторые феномены, находящиеся на границе фольклорной традиции, оказываются более продуктивными в литературе. В своей работе «Литература и фольклорная традиция» он предложил концепцию «метасистемы», объединяющую фольклор и литературу, и проанализировал способы их взаимовлияния. В работе преобладает «принцип исследования литературно-фольклорных взаимосвязей, когда явления оцениваются с одной, общей для литературы и фольклора точки зрения — как метасистема» [27, с. 12]. Согласившись с мнением других учёных, Медриш подчеркнул, что русская литература на протяжении столетий активно усваивала фольклорные традиции.

Своё отражение в исследовательских работах Медриша нашли произведения Пушкина, Цветаевой, Вознесенского, Кедрина, Твардовского и даже Чехова. Несмотря на то, что мало кто из читателей соотносит последнего автора с фольклорными мотивами — Чехову посвящен специальный раздел четвертой главы монографии, который называется «Лирическая ситуация и «русская форма». Чехов и фольклор».

Таким образом, и литература, и фольклор являются словесным искусством, имеющими как общие черты, так и свои специфические особенности.

1.2. Жанровое своеобразие фольклорной и авторской сказки

В этом параграфе мы рассмотрим такой жанр фольклора и литературы, как сказка; опишем краткую историю возникновения литературной сказки и остановимся на особенностях народной и авторской сказки.

Итак, что собой представляет сказка?

1. Из определения, взятого из Словаря литературоведческих терминов, следует, что сказка – это «один из основных жанров народно-поэтического творчества», что это «преимущественно прозаический художественный устный рассказ фантастического, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [44, с. 356].

В.П. Аникин дает такое определение сказки: «это коллективно созданные и традиционно хранимые народом устные прозаические художественные повествования такого реального содержания, которые по необходимости требуют использования приемов неправдоподобного изображения реального. Они не повторяются больше ни в каком другом жанре фольклора» [3, с. 197].

В книге «Русская волшебная сказка» А.Н. Никифоров определяет сказки как «устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно–стилистическим построением» [29, с. 20].

Само слово «сказка» русское по происхождению и, согласно этимологическому словарю, происходит от слова «съказька» от «казать». По мнению ученых, народ использовал это слово и до XVII века, когда оно впервые упоминается в грамоте воеводы Всеволодского. Воевода был недоволен, что развелось много людей, которые «сказки сказывают небывалые». До XVII века использовались слова «байка» и «басень».

Исследователи отмечают появление в письменных источниках слова «сказка» не ранее XVII века и связывают его со словом «казать» в значении «показывать, предъявлять». В современном понимании слово стало употребляться в XVII -XIX вв., придя на смену слову «басень» – от слова «баять», «говорить».

Принято считать, что термин «сказка» был введен в научный оборот А.П. Сумароковым в 1748 году и в переводе с французского (conte) имел двойное жанровое значение («сказка» и «рассказ», «новелла»). На базе этого в

дальнейшем последовала теоретико-литературная интерпретация данного жанра в двух ответвлениях: выведение сказки из фольклорного архетипа; разграничение сказки фольклорной и литературной.

Одной из особенностей фольклора, как мы указывали выше, был устный характер бытования текстов, в частности, сказок. Если для «говорения» текстов малых жанров фольклора (пословиц, поговорок, загадок) особого исполнительского дара не требовалось, то этот талант был необходим для «сказителей» - исполнителей крупных жанров устного народного творчества – былин, сказок, бывальщин.

Талантливые сказочники в русском народе были всегда – вплоть до начала XX века. К сожалению, о большинстве из них не осталось никаких сведений. Однако уже в XIX веке появились люди, которые поставили своей целью собрать и систематизировать устное народное творчество. Середина XIX века и особенно вторая его половина стали временем интенсивного изучения учеными народного поэтического творчества.

Первые сборники русских сказок появились ещё в конце XVIII века. Составителем первого сборника сказок можно считать Петра Тимофеева, издавшего «Руския сказки» в 1787 году [45]. Наиболее полным собранием русских народных сказок считается сборник, выпущенный А. Н. Афанасьевым в середине XIX века (первый выпуск – 1863 г.) [4]. К собиранию сказок приложили усилия многие русские исследователи. Огромную работу в изучении русского фольклора и русской сказки проделал великий лексикограф Владимир Иванович Даль. Сказки, собранные им, также были включены в сборники народных сказок А.Н. Афанасьева.

Кроме сказок Афанасьева, в печати появляются «Великорусские сказки» И. А. Худякова (Москва, 1860–1862) [42], «Народные сказки, собранные сельскими учителями» А.А. Эрленвейна (Тула, 1863). [49]

В знаменитый учебник педагога и ученого К. Д. Ушинского «Родное слово» (1864) [46] – одной из лучших книг для учащихся младшего школьного

возраста, были также включены сказки, имеющие фольклорные корни. И в наше время издающиеся сказки «Колобок», «Теремок», «Курочка Ряба» и т.п. – это тексты из «Родного слова».

В конце XIX – в начале XX века появляется целый ряд сборников сказок. Они дали представление о распространении произведений этого жанра, о его состоянии, выдвинули новые принципы собирания и издания.

В начале XX века наступила новая эра для жанра сказки. Это был период, когда сказки тщательно записывались и подвергались научному анализу. Кроме этого, собиратели стали фиксировать биографию рассказчика, культурную и экономическую среду вокруг него, бытовые обстоятельства, в которых живет мастер устного народного слова. Тексты рассказов стали сопровождаться комментариями, указателями и глоссариями.

Огромное количество фольклорных текстов было записано на Русском Севере. Например, Н.Е. Ончуковым было записано 303 текста в Архангельской и Олонецкой областях («Северные сказки», 1909) [31]. Он расположил материал не по тематике, а по сказителю, указав его биографические и творческие особенности.

Позднее был издан сборник братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (1915) [42]. Географическое общество опубликовало работы известного этнографа Д.К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (СПб., 1914) [17] и «Великорусские сказки Вятской губернии» (СПб., 1915) [16].

В конце XIX века и в начале XX-го началось теоретическое обоснование жанровой специфики сказки, составлялись каталоги сказочных сюжетов, появилось понятие «бродячий сюжет» и т.п.

Одним из значимых этапов литературной теории и практики сказки стало выделение в ней главного признака, который объединяет её устные и письменные варианты. Сказка была определена как повествование о вымышленном происшествии и окончательно разведена с другими повествовательными жанрами – повестью и романом как тип произведения,

основанного на народных рассказах и «несбыточных чудесностях», т. е. получила статус литературного жанра, основывающегося на устном народном творчестве.

В XX веке исследования сказки как жанра фольклора продолжились. Огромный вклад в изучение сказки внесли работы Владимира Яковлевича Проппа «Морфология волшебной сказки» [34], «Исторические корни волшебной сказки» [33], «Фольклор и действительность» [36].

Обобщая сведения из работ В.Я. Проппа [33-36], Е.М. Мелетинского [28], Д.Н. Медриша [27] и др., можно утверждать, что волшебные сказки, как правило, имеют следующую структуру:

- 1) присказка;
- 2) зачин;
- 3) основная часть сказки;
- 4) концовка.

Присказка является необязательным элементом сказки, особенно в русских сказках. Она может иметь автономный характер и не быть связанной с содержанием. Чаще всего присказка служит для «перевода» слушателей из реального мира в сказочный, для подготовки слушателей к восприятию сказки.

Зачин сказки содержит традиционные сказочные формулы «Жил-был старик со старухой...», «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич», «Жил-был царь, у него были сын и дочь» и т.п.

В основной части сказки происходит развитие основного действия и главные события истории. Всё в сказке подчинено действию. Развитие действия однолинейно, только от начала к концу. В основном содержании сказки происходят встречи главного героя с разными персонажами и развивается конфликт сказки. В основной части может быть показано, как главный герой преодолевает трудности, обучается урокам. Здесь же можно найти и развязку данного конфликта.

Концовка – заключительная часть сказки, в которой подводится итог сказочного действия. Последняя фраза сказки должна подчеркнуть итоговые

уроки или мораль. Она подходит для различных ситуаций и имеет широкий диапазон применения в повседневной жизни. Например, «Стали жить-поживать и добра наживать», «А кто эту сказку сказал, всё это своими глазами видал», «Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок», «И я там был, мёд – пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» и так далее. Также функцией финальной формулы в сказке является «обратное переключение» слушателей – возвращение из сказочной страны в реальную жизнь. Почему «по усам текло – в рот не попало»? Потому что и сказитель не из того мира, а из нашего, реального.

В сказках всегда побеждают те, кого несправедливо обижают, не любят. Как правило, это социально обездоленные люди – падчерицы, сироты, младшие сыновья, которым, по средневековым законам, не полагалось наследства. Сказка всегда становится на сторону слабого.

Сказителю важна была справедливость в конце. Победа добра в сказках может иметь символическое значение и служить как противоположность злу или негативным характерам. Такие сказки пропагандируют идею о преодолении преград, борьбе с несправедливостью и возможности трансформации любой ситуации к лучшему.

Неотъемлемыми элементами волшебной сказки, как было показано Проппом, является наличие особого рода персонажей. Это герой, антагонист, даритель, волшебный помощник, отправитель, ложный герой, царевна [34].

В работе «Морфология волшебной сказки» Пропп рассматривает основные черты фольклорной сказки, которые включают в себя тридцать одну функцию действующих лиц. Очевидно, что не все они могут быть использованы, но всегда имеют четкую последовательность. Автор утверждает, что все тексты фольклорной сказки отвечают установленным правилам и имеют свою специфическую поэтику, включающие в себя ритмизованные сказочные формулы, клишированные эпизоды, устойчивые выражения [34].

Исторически народные сказки старше литературных. Существует множество вариантов народных сказок, которые варьируются от региона к региону и от эпохи к эпохе. Сказки часто содержат мораль или урок для читателя, скрытый за яркими персонажами и сюжетом.

Как мы указывали выше, между фольклором и литературой существуют тесные связи. Фольклор оказывал и продолжает оказывать влияние на литературу и искусство, в целом[24]. Многие классические произведения, такие как «Красная Шапочка», «Госпожа Метелица», «Колобок», «Мальчик с пальчик» были порождены «бродячими сюжетами» из фольклора. Эти и многие другие истории оказались настолько прочными, что стали сюжетным центром для литературных произведений таких замечательных авторов, как братья Гримм, Шарль Перро, Уильям Шекспир, Александр Пушкин и многих других.

Например, А.С. Пушкин, великий русский поэт и писатель, часто обращался в своем творчестве к фольклору. Фольклорные мотивы, сказки и легенды играли важную роль в его произведениях, являясь источником вдохновения, художественным акцентом или способом раскрыть какую-либо тему. Наиболее очевидным результатом использования Пушкиным фольклорной сказки – это его шесть авторских сказочных произведений («Медведица», «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке» и др.)

Одним из наиболее известных произведений Пушкина, где присутствуют элементы фольклорной сказки, является поэма «Руслан и Людмила», созданная поэтом в 1817 году. В этом произведении Пушкин использует традиционные для русского фольклора образы: в ней действуют и упоминаются легендарный князь Владимир-Солнце, певец Баян, волшебный помощник и т.д.

Кроме этого, в начале произведения Пушкин использовал часть традиционного для фольклорной сказки присловья, которым нередко эти сказки заканчиваются: «И я там был, и мед я пил» [38, с. 4]. Мотив

путешествия, в которое отправляются четыре витязя, чтобы отыскать пропавшую княжескую дочь, широко распространен в русском фольклоре. Также типична и награда, которую обещает безутешный отец: «Тому я дам ее в супруги // С полцарством прадедов моих...» [38, с. 12].

Известный переводчик и специалист по детской литературе Л. Я. Брауде определяет литературную сказку как «произведение художественной прозы или поэзии автора, основанное на принципах фольклора или на чистой оригинальности» [7, с. 71–268].

Роль сюжетообразующего фактора играют характеристики персонажей, которые служат отправной точкой для развития действия. Волшебство в сказке может быть представлено в самых разных формах, оно создает особый, фантастический мир. Литературная сказка дает автору возможность выразить свои мысли и чувства, а читателю – погрузиться в мир фантазии и волшебства. Литературные сказки могут имитировать стиль народных сказок, быть написанными в народнопоэтическом стиле или являться дидактическими произведениями, основанными не на народных сказках. Литературные сказки предлагают авторскую интерпретацию и дают автору больше свободы и творчества, чем народные сказки.

Авторская сказка зародилась на фоне фольклора как результат работы собирателей устного народного творчества, однако является самостоятельным произведением, потому что включает в себя элементы, которые не характерны для фольклорной сказки.

Строение жанров фольклора также оказывает влияние на литературу; устройство композиции волшебной и бытовой сказки, их классические персонажи до сих пор оказывают влияние на сюжеты и героев литературы, можно даже сказать, что они породили определенный стандарт развития произведения. Сказки, мифы, легенды, народные песни и пословицы – все они являются уникальными и разнообразными и представлены в фольклоре, их также часто включают как элементы при создании своих произведений.

Таким образом, сказка вошла в часть духовной культуры народов, в сказочные принципы осмысления и восприятия мира и человека, которые универсальны и узнаваемы в культуре.

Взаимодействие фольклора и литературы стало наиболее тесным и плодотворным. Сказка как вид фольклора жила не только в виде текстов, сохраняющих традиции устного творчества, но и входила в русскую литературу на равных правах с другими жанрами. «Сказки писателей слились в сознании людей всех поколений со сказками народа. Это происходит потому, что каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, ощущал свою связь с фольклором», - отмечал один из наиболее авторитетных отечественных фольклористов В.П. Аникин [3, с. 79].

История авторской сказки в целом отражает особенности литературного процесса, а также своеобразие литературно-фольклорного взаимодействия в разные историко-культурные периоды.

Выводы по первой главе

Проведя исследование в рамках первой главы, мы пришли к следующим выводам:

1. Фольклор и литература относятся к словесному искусству. Между ними существует много общих черт. Также мы отметили и наличие специфических особенностей у каждого из этих видов художественной словесности.
2. Проблемами взаимоотношений устного народного творчества и письменной литературы занимались такие ученые, как Владимир Яковлевич Пропп, Варвара Павловна Адрианова-Перетц, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Эрна Васильевна Померанцева, Виктор Ильич Калугин, Евгений Алексеевич Костюхин и многие другие.
3. Общим между литературой и фольклором является то, что обе системы представляют собой вид словесно-художественного творчества;

фольклор и литература всегда находились в тесной взаимосвязи, оказывая взаимное влияние друг на друга; литература на протяжении столетий активно усваивала фольклорные традиции.

4. Между литературой и фольклором есть существенные различия. Для фольклора характерны следующие черты: устный характер бытования; синкретизм или единство искусств – словесного, музыкального, театрального и др.; вариативность – отсутствие постоянного или канонического текста; коллективный характер или отсутствие конкретного автора. Различия также есть и в поэтике: если для фольклора важнейшим «атрибутом» поэтики является формульность, т.е. использование словесных клише и устойчивых выражений, то для литературы требуется оригинальность и свежесть словоупотребления.

5. Фольклор и литература всегда находились во взаимодействии. Народная словесность оказала влияние на творчество таких мастеров русской литературы, как А. С. Пушкин, В. И. Даль, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Н. А. Некрасов, И. А. Бунин, А. А. Блок, М. И. Цветаева, М. М. Пришвин, К. Г. Паустовский, С. Г. Писахов, Б. В. Шергин, В. И. Белов, В. М. Шукшин и др.

6. Народная словесность влияла на русскую литературу на уровне сюжетики, идейного наполнения, изобразительных средств; в свою очередь и литература оказала влияние на народное творчество: оформление жанров в фольклоре, моделирование текстов по схемам литературного произведения, включение в фольклорные тексты современных реалий и т.д. Кроме этого, важнейшей особенностью использования фольклорных элементов в писательском творчестве можно назвать выражение причастности авторов к народной жизни, к той самой «народной мудрости», которая заключена в самом термине «фольклор».

7. Изучение истории развития сказки как фольклорного жанра позволяет утверждать, что она стала неотъемлемой частью народной культуры. Сказки возникали задолго до появления письменности и были исключительно

устного характера. Они рассказывались родителями и старшими поколениями детям, передавая таким образом ценности, нормы и традиции своего народа. С течением времени сказки были записаны и сохранены в письменном виде, что способствовало их распространению и изучению.

8. Между сказкой фольклорной и авторской есть много общего. Для волшебной сказки – и авторской, и народной – характерно линейное развитие сюжета, наличие двух миров («этого» и «того»), обозначение границы между двумя мирами и описание ее перехода. Кроме этих композиционных элементов, в сказке наличествует герой и его противник, волшебные помощники. Также для сказки как жанра характерна «любовная коллизия». И, конечно, в сказке зло преодолевается, побеждается добром.

9. Авторская сказка, зародившись на фоне фольклора, является самостоятельным произведением, потому что включает в себя моменты, не характерные для фольклорной сказки: наличие автора и его мировоззрения, включение в сказочный текст оригинальных элементов (например, бытовой реальности, атрибутов современности); авторская сказка отличается и стилем, особым отношением к слову и т.п.

ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР СКАЗОК ЕФИМА ЧЕСТНЯКОВА

Ефим Васильевич Честняков (1874 – 1961) – русский писатель, художник, скульптор, педагог первой половины XX века. Он создавал картины, посвящённые сельской жизни и фольклору, а также писал и иллюстрировал сказки, выпуская их в свет. Расцвет его творческого пути пришелся на первую половину XX века. Т.П. Сухарева, которая объединила рукописные материалы Е. Честнякова в книгу «Русь, уходящая в небо...», писала о нем следующее: «Е. В. Честняков был натурой многогранной и очень цельной, все в его творчестве находится в неразрывном единстве и художественные произведения, и стихи, и проза, и театральные действия» [48, с. 3].

Творчество Честнякова многогранно и самобытно: в художественных работах он избегал индивидуализации в изображении: для него важен не столько сам герой, сколько его гармоничное сосуществование со сказочной средой и окружающим миром; а отличительной чертой сказок автора является сохранение живого, настоящего народного языка. Ефим Честняков стремился сохранить мелодику народной речи с её особым построением фраз и диалектными словами. В своих сказках он часто использовал разговорные выражения, местные говоры и архаизмы, что позволяло ему передавать аутентичный дух русской деревни и сохранять культурное наследие. Он очень любил родные края, с трепетом и пониманием относился к местным людям и глубоко ценил свою деревню. Любовь и доброту Честнякова подтверждают записи Ларисы Голушкиной о соседях художника Лебедевых, вспоминавших, «как любили его все в Шаблове, шли к нему и с радостью, и с горем, всегда находили утешение, потому что он чувствовал и понимал людскую душу» [49, с. 45].

Честняков считал, что сохранение диалектов важно для понимания корней и традиций народа. Он верил, что каждый регион России имеет свою

уникальную культуру и язык, что «язык вырабатывается великим творчеством народа» и «стремится к музыкальности, легкости, красоте» [48, с. 18]. Благодаря его усилиям, многие местные говоры и выражения сохранились до наших дней, позволяя современным читателям прикоснуться к истокам русской национальной культуры. В своих сказках ему удалось сохранить народную речь жителей одного из регионов европейской части России, а именно – междуречья Костромы и Унжи, местности, в которой живет история наших предков.

Таким образом, творчество Ефима Честнякова захватывает огромный спектр направлений, однако особый интерес для нашей выпускной квалификационной работы представляет отдельный раздел его наследия – сказки. В данной главе мы рассмотрим авторский стиль написания Ефима Честнякова, а также проанализируем его сказки через фольклорные классификации, описанные в первой главе. Анализ данных аспектов поможет определить уникальные черты творчества Ефима Честнякова, свойства и их воздействие на восприятие текста с литературной точки зрения.

2.1 Художественное своеобразие литературного творчества Ефима Честнякова

При изучении текстов Ефима Честнякова важно помнить, что писатель родился и вырос в деревне Шаблово, Кологривского уезда, Костромской губернии. Кострома – уникальная местность, где под влиянием особых экономико-географических и исторических факторов сформировалось свое единое языковое пространство. Родная деревня писателя Шаблово находится в северо-восточной части территории России, вдоль реки Унжи и входит в зону северорусских говоров. В сказках Честнякова встречаются диалекты костромские, кологривские, верхнеунжинские. Как мы писали выше, Ефим Честняков высоко ценил родной язык и в своих произведениях стремился сохранить его самобытность, поэтому в рамках нашей выпускной

квалификационной работы важно обратить внимание на костромские местные диалекты, которых в сказках Честнякова насчитывается огромное количество.

Говоры являются одной из форм выражения национальной культуры. Именно в народной речи отражается жизнь её создателя и носителя – народа. И. И. Срезневский писал: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может. <.> Язык есть собственность нераздельная целого народа. Переходя от человека к человеку, от поколения к поколению, из века в век, он хранится народом как его драгоценное сокровище, которое по прихотям частных желаний не может сделаться ни богаче, ни беднее, — ни умножиться, ни растратиться» [43].

Уникальный авторский стиль Ефима Честнякова стал предметом изучения таких ученых, как Галина Дмитриевна Неганова, Елена Геннадьевна Веселова, Игорь Сергеевич Шаваринский, Нина Семёновна Ганцовская и других. Рассмотрим наиболее распространённые и устойчивые точки зрения учёных, которые получили широкое признание в исследовательском сообществе:

Широкий подход (представлен в лингвистической энциклопедии), которому свойственно понимание диалектизмов как характерных для территориальных диалектов языковых особенностей, включенных в литературную речь. Диалектизмы выделяются в потоке литературной речи как отступления от нормы [55].

Узкий подход, который состоит в том, что диалектизмами называются диалектные слова или устойчивые сочетания слова, используемые в языке художественных, публицистических и других произведений [37].

В нашей работе, исходя из объекта исследования, мы придерживаемся второго подхода и под термином диалектизмы понимаем отраженные в художественном произведении фонетические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, семантические и другие особенности языка, присущие тем или иным диалектам в сопоставлении с литературным языком.

Лев Львович Касаткин, известный лингвист и специалист в области диалектологии, в своих трудах «Русская диалектология» [19] выделяет три основных уровня языковой системы диалектов:

Лексический уровень. Занимается изучением словарного состава диалектов, включая местные слова, фразеологизмы, семантические особенности и этимологию отдельных слов. Диалекты часто имеют уникальные слова и выражения, отсутствующие в литературном языке, которые связаны с местными условиями жизни, культурой и историей региона.

Фонетический уровень. Изучает звуковую сторону языка, включая произношение гласных и согласных звуков, ударение, интонационные особенности и фонетические процессы, характерные для конкретных диалектов. Например, в северных русских говорах наблюдается оканье (различение звуков [o] и [a] в безударных слогах), тогда как в южных говорах преобладает аканье (смещение этих звуков).

Морфологический уровень. Исследует систему словоизменения и словообразования, а также особенности грамматических категорий, таких как род, число, падеж, склонение и спряжение глаголов. Например, в некоторых русских диалектах сохраняются архаичные формы склонения существительных или особые суффиксы, которые отсутствуют в литературном языке.

Наиболее интересным и ёмким с художественной точки зрения аспектом при изучении сказок Ефима Честнякова является лексический уровень. Писатель избирательно подходил к включению диалектных единиц в текст и использовал их только там, где это уместно.

Для определения значений диалектных слов мы используем в первую очередь следующую литературу: академический «Словарь русских народных говоров» [41], который среди диалектных словарей занимает значимое место. Этот сводный диалектный словарь, созданный Российской академией наук, выделяется масштабностью охвата лексикографического материала. В нем

определены не менее 250 тысяч диалектизмов, фразеологизмов и других особенностей, зафиксированных в говорах России. Интересно, что данный словарь также включает в себя уникальную информацию, которая ранее не была издана; объединяет данные, собранные путём наблюдений за живой народной речью или извлечённые из фольклорных и литературных произведений. Кроме этого, мы опираемся на данные из словарей костромской диалектной лексики, в частности, «Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» [9] и «Живое по-унженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» [8].

Местная нарицательная лексика в сказках обширна и многотемна. Рассмотрим, как разные группы лексики отражают природу, быт, одежду, традиции поунженской деревни и установим значение диалектных единиц.

Тема природы выражается лексикой в значительной степени фольклорно стилизованной и многозначной, используются устаревшие слова и словосочетания, такие как: старая **дупластая** осина; ягоды-**князеничинки** – так местные называют ягоду, напоминающую ежевику; на **хорёчке** - «островок на озере, кочка, бугорок среди поляны»; **мительки** – бабочки; на улице было **красно**; **ляжбины** — те топкие вязкие места, через которые нельзя иначе пробраться, если вода в них не иссохнет (определение автора). Звуки животных: «**кирлы-мурлы**», «**жеркают**», «**куликают**», «**чивиликает**», «**чивить-чивить**», «**кокует**». Так, в сказках присутствует много диалектизмов, обозначающих природные явления. В первую очередь сказывается физическая среда – в деревнях общение часто носит бытовой характер, связанный с делами по хозяйству – работа в огороде, собирание ягод/грибов в лесу, охота, животноводство. Простые деревенские люди пользуются диалектом, так как это проще и удобнее, чем пытаться освоить литературный язык – ведь деревни также находятся в изоляции от города, что еще больше препятствует развитию литературного языка.

Особенный интерес вызвала у нас группа лексики, связанная с едой. Некоторые хорошо знакомые нам блюда описаны с использованием иных

форм слов, а сам процесс приготовления передан живо и поэтично. Например, в сказке «Иванушко» гуси-лебеди принесли мальчика к «медведишке», который вместе со «старухой-медведицей» «потчует» гостей: «Мы попотчуем **сыроехой** из свежих ягод», «Испеку пшеничных лепёшек», «Поедят горяченьких (лепёшек), в ягодах варёных». «Сыроеха» – это название блюда из толчёных ягод, перемешанных с толокном. В сказке «Сергийушко» тоже встречаются необычные названия продуктов: «**Галанка** печеная» – это брюква (корнеплод), приготовленная в русской печи. В «Шабловском тарантасе» также есть несколько описаний еды: «**заболтали** блины из свежей муки»; «Да лепешки печь – всякие: гороховые, пшеничные, **оржанные** (устаревшее от слова «ржаной»), овсяные, крупчатые, ячные, луковые, репные, редишные, гречневые, галаные, картофельные. Пироги тоже всякие, особенно хорошие, если муки положить немножко, а побольше **галани**, да репы и ягод. Наедятся лепешек – и плясать. Потопают, попляшут да пряники есть»; «Пироги пекли большущие – в сажень, если не больше». «Сажень» – старинная русская мера длины, употреблявшаяся до введения метрической системы мер. Не диалектное – но устаревшее слово. А вот слово «**галань**» не удалось найти ни в одном словаре, однако – можно предположить, что это производное от слова «галанка», которое определено выше как «брюква». В пьесе-сказке «Чудесная дудочка Ефима» старик в качестве зачина пьесы произносит хвалебную оду жене, превознося её мастерство и старание накормить всех лепёшками: «Я тебя, старуха, хвалю всем. Лепёшки часто пекёшь. Люблю и гороховые, и яшные. Особливо горячие. Мажешь хорошо и пересыпаешь толокном или подкрупницей. А то на стол приносишь **поденья** да масла макать, только вот пряженики по будням не пекёшь. Ну, а по праздникам, нечево говорить, начинаешь пекчи накануне...». «**Поденье**» – остатки от топленого масла, остающиеся на дне. Заметим, что почти в каждой сказке упоминаются лепешки из различных видов муки – это характеризует быт прошлых лет и ярко передает дух крестьянской деревни. Перечисленные продукты были в достатке и доступны для каждого жителя.

Поскольку Честняков родился и вырос в крестьянской деревне – то и в сказках преобладают местные слова, связанные с устройством деревенского быта, крестьянской избы, названиями одежды, пищи, трудовой деятельности. Сказка «Шаблонский тарантас», название которой произошло от названия родной деревни писателя, изобилует такими словами, потому что в отличие от остальных волшебных сюжетов, в данном произведении основное содержание текста составляет простая жизнь крестьянского народа в деревне, на которую нанизываются волшебные события – описываются стройка, закупка на рынке, повседневная готовка и многое другое. В этом произведении приведено много диалогов простых жителей. Поэтому здесь мы находим очень много интересных с точки зрения диалектизмов слов:

Ондрец – двухколесная телега для перевозки хлеба и сена во время уборки. В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) слово ондрец имеет географические пометы: Во-лог., Север., **Костром.**, Яросл. [41, с. 215]

Волок - часто встречающийся в костромской, в том числе кологривской, топонимии местный географический термин, имеющий много значений: лесная гужевая дорога, дорога через лес, дорога между населёнными пунктами, дорога между полями, лес в междуречье, место между рек и мн. др. [9, с. 31].

Кулига - небольшой участок в лесу или около леса для покоса или под пашню [9, с. 67].

Шалашка – Честняков называл шалашкой свой дом, который был одновременно и художественной мастерской [9, с. 481].

Зыбка – люлька для укачивания ребёнка [41, с. 49].

Калужина – большой кусок дерева, бревно, затонувшее в воде [41, с. 58].

До выгреба – в значении: до конца, полностью. «Впрягайтесь сами все, до выгреба, сколь вас найдется в избе.» Данное наречие найдено только в «Словаре народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» и принадлежит поунженским говорам. [8, с. 32]

Починать – этот глагол в СРНГ имеет одно значение – начинать. «Они как почнут бегать». Однако в «Словаре говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» глагол полисемичен. Развитое на базе основного, значение свойственно лишь костромским говорам. Починать = резать. Именно в таком региональном значении используется глагол в сказках Е.В. Честнякова. «Караваи были ржанные. Починать целый каравай не полагалось». «Почали (яблоко). Стали пробовать: сладкое, душистое, рассыпчатое.»

А вот значения некоторых слов не удалось найти ни в одном из словарей – о их семантике можно только догадываться: **мекиненка, галань**.

Также в сказках можно заметить случаи разного написания одного и того же слова. Например: коло и около; парнёка, парня и паренька. Возможно, в одних случаях автор выступает как рассказчик, а в других – передает речь героя.

В области фонетики для северного костромского говора характерно «оканье». «Оканье» — это фонетическое явление, связанное с произношением звуков. Поскольку литературный русский язык стандартизирован и придерживается орфографических правил, основанных на московском произношении, «оканье» в письменной форме не является нормой, однако косвенно оно может проявляться в написании слов, если автор намеренно фиксирует данные диалектные особенности. В сказках Ефима Честнякова есть такие примеры: **медведушко, дедушко, кокушка кокует** (вместо кукушка кукует). А также в прямой речи героев произведений чаще обычного можно встретить частицу «то», что тоже подчеркивает особенность костромского говора. Например: «Скоро ли ваши-**то** дома?» [20, с. 553].

Еще одна особенность – переход «б», «л» в «й»: «свирейка», «байшка», «меуких», характерный для поунженского говора. В одной из рукописных книг в конце страницы Е. В. Честняков записал: «й с краткой в языке красиво, необходимо».

На уровне морфологии мы выявили следующие особенности: форма глагола на -ся после гласного: **заприся, заблудися**; форма глагола с редукцией согласного, характерной для севернорусских говоров: **мотри** – вместо смотри, **казали** – вместо показали. Важно также отметить употребление единственно возможной формы в поунженских говорах слова яблоко в мужском роде («Яга-баба. Выгляни в окошечко! Принесла тебе серебряное блюдечко да **яблочек** наливной»); к морфологическим особенностям отнесем и следующие слова: итти (идти), чаю (чая), гледит (глядит), робята (ребята).

В области семантики удалось найти всего несколько диалектов: слово «большие» употребляется в значении «взрослые»: «На другой день большие опять пошли работать на кулиги» [20, с. 557]. А также «долгий» в значении «длинный»: «Вдруг вошел старичок, маленький сам, а борода до полу долгая» [20, с. 557].

Эмоциональную окраску несут слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые на страницах сказок Честнякова можно встретить в большом количестве: мамушки-нянюшки, краповатенький, горяченьких, ягодки, кулички, земельки. Такие слова придают атмосфере дружелюбную, располагающую атмосферу, будто бы каждый уголок деревни и окрестностей описан с любовью и большим трепетом. Честняковым написан целый ряд слов с абстрактным значением, которые придают тексту особое настроение: чистехонько, попрозаристее, скорехонько.

Таким образом, диалектная лексика костромских говоров отображает тематическое разнообразие способов выражение реальной действительности посредством предметной лексики, уникальность непредметной лексики и высокую степень сохранения в ней древнерусской архаики. Таким образом, диалектная лексика костромских говоров демонстрирует тематическое разнообразие и богатство способов отображения реальной действительности посредством предметной лексики, уникальность непредметной лексики и высокую степень сохранения в ней древнерусской архаики. Всё это позволяет составить представление о её происхождении и механизмах формирования. В

диалектах до сих пор живут различные формы культурной традиции, социальной и культурной деятельности человека традиционной культуры, так как диалектный язык «насыщен переживаниями прежних поколений и хранит их живое дыхание» [12, с. 71].

Если убрать из сказок Е. Честнякова диалектные слова и заменить их более высокочастотными эквивалентами, например: мителёк – бабочка, сыроеха – каша, чивиликать – щебетать, мы потеряем колорит произведения, утратим связь между прошлым и будущим народного языка.

Важно упомянуть, что диалектный язык очень тесно связан с фольклором, который в первую очередь является устным народным творчеством и также несет в себе идею самобытности и общности народа. Диалектные слова часто отражают тот или иной фольклорный мотив, потому что они используются в сказаниях, песнях, пословицах и других формах устного творчества, которые сами по себе содержат фольклорные элементы, о которых пойдет речь в следующем параграфе.

2.2. Фольклорные корни сказок Ефима Честнякова

Российские литературоведы и фольклористы, такие как Игорь Сергеевич Шаваринский, Виктор Яковлевич Игнатьев, Евгений Петрович Трофимов, Елена Александровна Самоделова, Нина Ивановна Савушкина и другие исследовали разнообразные аспекты литературных сказок Ефима Честнякова. В данном параграфе мы проанализируем основные методологические подходы к интерпретации сказок Честнякова в контексте народной традиции, а также выявим и охарактеризуем фольклорные мотивы, органично вплетающиеся в структуру и содержание его произведений.

Как мы упоминали выше, сказки как фольклорный жанр стали неотъемлемой частью народной культуры. Их рассказывали детям представители старшего поколения, передавая нормы и традиции своего народа. Ефим Честняков не был исключением, ведь ребёнком очень любил

слушать сказки из уст своей бабушки Прасковьи, которая сыграла важную роль в воспитании и становлении будущего писателя и художника. Она обладала прекрасным даром импровизации, знала много сказок, умела говорить о житейских вещах и событиях так, что они приобретали поэтический, сказочный характер.

Однако не только бабушка оказала влияние на формирование любви писателя к народному творчеству. Вся семья, окружавшая маленького Ефима, тоже делилась с ним увлекательными историями и легендами, что заложило основу его будущего интереса к фольклору и литературе. Вот что писал сам Ефим о своём детстве в письмах к Репину: «В самом раннем детстве сильнейшее влияние на меня имела бабушка. Она много рассказывала сказок про старину, которую любила и хорошо умела передавать. Дедушка был мастером рассказывать про свои приключения: как два раза пешком ходил в Питер (за 1000 верст) — депутатом от мужиков, хлопотать перед барином. Как отбегался от солдатства и пр. Он рассказывал и сказки — не забуду, как чудесно рассказывал. От матери слушал сказки и заунывные мотивы. Отец перед праздниками вслух читал Евангелие. Поэзия бабушки баюкала, матери — хватала за сердце, дедушки — возносила дух, отца — умиротворяла» [50].

Быт, атмосфера, в которой жил Ефим Васильевич, весь житейский уклад крестьян, безусловно, являлись основной благоприятной средой для его творчества, его своеобразного мировосприятия и всё это нашло отражение в его сказках.

Честняковым написаны десятки сказок. К сожалению, до нас дошли лишь немногие. Как отмечал местный костромской исследователь Поваров, который занимался расшифровкой текстов Честнякова [32], с рукописями Честнякова достаточно тяжело работать: он писал на отдельных листочках — на афишах, на газетах. Большинство записей сделано карандашом — который имеет свойство со временем выцветать, а местами отрывки текста были плохо стерты и поверх них был записан другой текст — сохранность материалов в плачевном состоянии. К счастью, некоторые сказки все же удалось издать в

полном объеме. Первые три сказки были изданы еще при жизни писателя: «Чудесное яблоко» [20, с. 549], «Иванушко» [20, с. 553], «Сергіюшко» [20, с. 557] Позднее: «Шабловский тарантас», «Сказание о Стафии короле тетеревином», «Чивилюшко» а также роман в стихах «Марко Безсчастный», который доступен читателю лишь фрагментарно и является продолжением «Шабловского тарантаса».

Все остальные сказки расшифрованы лишь частично – в некоторых повествование обрывается уже на первой странице, в некоторых – ближе к концу, на самом интересном месте. Какие-то названия сказок известны лишь из личных писем Честнякова или из рассказов близких. К таким сказкам относятся: «Шабловские чудеса», «Сказка про цветок», «Гармонь за копейку», «Город Талалай», а также сказки в стихах: «Праздничное шествие "Мир"», «Макар», «Подземное царство родника», «Сказка о чудалах», «Хоревы ребята», «Рура», «Несеся», «Король Оксин», «Тая», «Тимофеюшко», «Сказка про Ивана Царевича», «Сказкины женихи», «Девичий сон», «Осенняя сказка», «Сказочные комнаты», «Гостевой пирог», «Воробышко», «Пташечка», «Ульянина книжечка», «Грунюшка», «Катеринушка», «Бабушка и внучек», «Чудалы».

И. А. Серов писал о том, что многие отрывки данных текстов каким-то образом связаны друг с другом – сюжетными особенностями, именами, волшебными событиями. Можно предположить, что Честняков планировал создать (а может быть – и создал) целую серию сказок, взаимосвязанных друг с другом [40].

Для последующего анализа рассмотрим наиболее известные сказки, такие как «Чудесное яблоко», «Иванушко», «Сергіюшко», «Шабловский тарантас», «Чивилюшко». Обобщив данные из исследований В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, Д.Н. Медриша и других авторов, представленных в первой главе, проведём сравнительное изучение структур и элементов фольклорной сказки и сказок Ефима Честнякова.

«Чудесное яблоко» - сказка, которая стала достаточно популярной в литературных и педагогических кругах, а также получила наибольший отклик среди исследователей и фольклористов, что подтверждают слова Аксенова Г. В. в трудах «Русская книжная культура на рубеже XIX-XX веков» [2]. В сказке рассказывается о дедушке, который обнаружил в лесу чудо-плод – огромное яблоко, которое у него не удалось увести даже в ондреце на лошади. Однако с помощью всех членов семьи получилось увести яблоко. Игорь Сергеевич Шаваринский [53, с. 148] сравнивает «Чудесное яблоко» с фольклорной сказкой «Репка». На основе анализа исследователь пришел к выводу, что Честняков взял за основу мотивы этой сказки. Связано это с тем, как мы уже говорили ранее, что Ефим вырос на сказках бабушки и во многом повлияло на его становление как писателя-сказочника, а также немало произведений автор писал по воспоминаниям из детства. Но в отличие русской народной версии, сюжет сказки Ефима более развернут и акцентирован на сказочном окружающем мире.

В первую очередь – обратим внимание на зачин сказки, который содержит традиционную формулу: «Жили-были дедушко да бабушка, мужик да баба, и у них много ребят, – парнёков и девонек». Здесь же автор знакомит нас с основными действующими лицами – сразу становится понятно, что речь пойдет о семье. Включение в зачин дедушки и бабушки типично для русской народной сказки, что еще характерно – автор не даёт им имен. Такую же ситуацию мы наблюдаем в «Репке» и других фольклорных сказках: «Колобок», «Куручка Ряба», «Морозко», «О рыбаке и рыбке». Отличия заключаются в том – что в народных сказках данных персонажей называют именно «дед» и «бабка» / «баба», Честняков же использует уменьшительно-ласкательные значения «дедушко», «бабушка». Кстати, это касается и других персонажей или предметов, о чем уже упоминалось выше.

Русские народные сказки передавались из поколения в поколение и транслировали семейные ценности – поэтому зачастую в таких текстах

изображают взаимоотношения членов семьи, а также их стремление всегда прийти на помощь близкому [13].

В сказке «Чудесное яблоко» главный герой «дедушко» неоднократно обращается за помощью: он привёл лошадь с «ондрецом», однако яблоко увезти не получилось. Затем зовет старуху и сына с женой – и снова неудача. Яблоко удастся сдвинуть с места только тогда, когда вся «до выгреба» семья была в сборе – присоединились нянька с младенцем. Каждая фольклорная сказка носит нравоучительный характер. В этой сказке автор вкладывает в голову читателя идею о том, то надо держаться вместе и тогда все задуманное получится. Отчетливо также выражается равнозначность всех членов семьи, каждый человек в общем деле важен – даже самый маленький. Так, младенец разрешил ситуацию с яблоком, а в сказке «Репка» желанный плод достался именно благодаря мышке.

Ефим Честняков вводит в классический и уже известный сюжет героев-антагонистов – сову и тетерева. Они препятствуют герою в его желании достичь цель: «Кво-кво, не унести тебе яблока.», «Хоть на тройке, на четверке; сколь хочешь запрягай лошадей – не увезти тебе яблока... кво-кво...». А вот дальше чувствуется авторский стиль Е. Честнякова – доброго и светлого человека. Ведь даже злодеи в его сказках не остаются злодеями до конца – в ходе событий Сова и Тетерев начинают подсказывать и помогать советом главному герою, то есть становятся героями-проводниками, которые перемещают человека в сказочный мир. И благодаря им, а также сплоченной работе всех героев, по всем канонам русской народной сказки читатель наблюдает счастливую концовку.

Сказка дает пример коллективного труда, единства, который награждается изобилием. Яблоко является даром свыше, использовать который только для себя неправильно, поэтому ели его все: «И ели дедушко и бабушка, мужик и баба и ихние ребята – парнёки и девоньки... Кушали сырым, и печеным, и в киселе, и перемерзлым, когда пришли холода.». «Чудесное

яблоко» заканчивается своеобразным «пиром на весь мир», как и некоторые фольклорные сказки – например, «По щучьему веленью» или «Сивка-бурка».

Почему же именно на яблоко заменяет Честняков репку? Яблоко для жителей северных районов было редким плодом, поэтому наделялось целым рядом целебных свойств, а также являлось символом благополучия – это в целом характерно для славянского фольклора [22]. В сказке Ефима Васильевича яблоко прекрасно и огромно – это выражение народной мечты о сытой и здоровой жизни. А некоторые исследователи видят в яблоке библейские мотивы, которые находят своё отражение и в фольклорном творчестве. Например, Ирина Анатольевна Едошина, доктор культурологии, отмечает трансформацию мифемы «яблоко» как сюжета, отсылающего к древнегреческой мифологии и библейскому тексту. В чудесном лесу может родить дивный плод старая яблоня. Яблоко уподобляется плоду с райского древа жизни, и как дар Творца дается не отдельному человеку, а всему миру. Чудный дар сообщает благодать всем людям – яблоко питает всех [15, с. 164-166]. Наличие отсылок к библейским мотивам в творчестве Честнякова подтверждается в сказке «Чудесное яблоко» последним диалогом:

«Привезли домой яблоко, и вся деревня сбегалась, глядит:

- Кто вам дал?

- Бог дал, – отвечает дедушко».

Также Честняков пользуется свойственными фольклорным жанрам выразительными средствами. Это эпитеты («старая-старая» яблоня, «большущее» яблоко, «старая дупластая» осина и т.д.); ряды однородных членов предложения («Привязал лошадь, взял ядреную дубину отшибать яблоко и ходит, любит, со всех сторон рассматривает»); сочетания разных времен глагола в одном предложении, создающие иллюзию присутствия читателя на месте действия; просторечия («завсегда»), диалектизмы («ондрец»), диалектные варианты («парнёк» вместо «паренёк»), диалектный вариант произношения («дедушко» вместо «дедушка») – что переносит читателя в прошлое.

В «Чудесном яблоке» герои не противопоставлены, её герои, напротив, следуя призывам представителей природы, приходят к единению. Звучит мотив щедрости природы, её готовности помочь людям, если люди будут солидарны.

«Сергиюшко» - сказка, жанр которой сам Ефим Честняков определил как бывальщина. Здесь гармонично сочетаются два разных мира – реальный и волшебный сказочный мир, придуманный автором. Эта сказка вобрала в себя множество черт, присущих сказке фольклорной.

Во-первых, композиция включает в себя следующие элементы: зачин, развитие действия, кульминация, развязка, концовка. И снова в зачине мы видим сказочную формулу: «**Жил-был** парнек Сергиюшко.» В следующем предложении автор перемещает читателя в место действия и описывает окружающую героя природу: «Все ушли на работу, остался один дома. Сидит у окошечка. На улице было красно: травка зеленела, цветочки расцветали, и солнышко пригревало.» Интересно, что в сказке «Иванушко» в самом начале мы видим схожее описание природы: «Вышел Иванушко на крылечко красной весной. Сияет солнышко... травки зеленеют, цветочки цветут, пташки поют.»

По мере развития сюжета в сказке появляются разные типы героев, который охарактеризовал в своих трудах Пропп В. Я. [34].

Волшебный помощник – «пташечка». Она попросила у мальчика «крошечку хлебца», а взамен обещала «пригодиться». Так и произошло – когда Сергиюшко попал в беду, потерялся в лесу, волшебная птичка вывела его к дому. В фольклорных сказках животные очень часто олицетворяются автором и выступают в роли наставника – «Царевна лягушка», «Курочка Ряба».

Герой-отправитель – это взрослые («ватага») и «баушка береза». Эти герои подталкивают мальчика к приключениям. Взрослые по возвращению из леса передают мальчику «посылку» в виде ягод от «баушки березы». Мальчик идет в лес под предлогом навестить «баушку березу». Не случайно жанр произведения обозначен как сказка-бывальщина, ведь и в народной традиции нередко взрослые при общении с детьми широко используют сказочные

образы. Сергиюшку в путь как бы зовет и пташечка «баушка береза». Подобные мифологизированные образы, подталкивающие героев к приключениям, свойственны и фольклору – например, рыбка в сказке «Золотой башмачок»).

Герой-антагонист – старичок. Мальчик съел ягоды на его участке, и старичок разозлился, напугал Сергиюшку. Мальчику пришлось пройти «испытание» и выполнить задание деда – собрать «коробицу» ягод. Чужого без спросу не бери – учит сказка. Старичок же в последствие становится и героем-дарителем – в награду за труд дает мальчику большую ягоду, которая выступает здесь в роли волшебного чудо-предмета.

Заключение. Конечно, читателя ждет счастливый конец – мальчик возвращается домой с волшебным предметом. Все радуются и одновременно удивляются такой необычной находке. Дальше снова можно провести параллель с эпизодом фольклорных сказок – «пир на весь мир». Однако здесь семья не накрывает стол, а делится со всей деревней волшебными семенами и все вместе они пожинают плоды. Ягоды разрослись по всей деревне. Как и в сказке про яблочко, ягода является даром свыше, использовать который только для себя – нельзя.

Несмотря на возвращение героя, в конце автор вводит небольшое отступление, наполняя его печальными оттенками. Следующим летом все семена ягод высохли, а последний кустик затоптала скотина. Подросший Сергиюшко искал чудесную избушку, где старик подарил ему ягоду, да так и не нашел – «ровно пропала, как увидел во сне». Концовка сказки очень похожа на аллегорию, где под Сергиюшкой и семенами чудо-ягоды подразумевается сам автор и семена культуры и добра, щедро раздаваемые ближним. Но люди не уберегли этого дара: так передает Честняков свои душевные терзания от понимания невозможности до конца воплотить в жизнь свою великую идею о счастье народа. Эта аллегория художника созвучна евангельской притче о сеятеле и семени, в которой под семенами понимаются зёрна добра, которые не сберегли многие люди [39].

А вот сказка «Иванушко» построена немного иначе, чем предыдущие. Мотивом для сюжета скорее всего послужила русская народная сказка «Гуси-лебеди» [4, с. 120-121]. В сравнении с фольклорным вариантом, сюжет «Иванушко» более упрощённый и добрый. Вероятно, Е. Честняков писал его для маленьких детей – ведь нередко он сокращал сказки именно с этой целью. Главный герой Иванушко сидел на крыльце, увидел гусей-лебедей и обратился к ним с просьбой: «Унесите меня, куда желаю». А желал он посмотреть, как и где живут птицы. Они согласились и понесли его через горы, поля, леса и деревни. В птичьем «доме» мальчик нагулялся, поел ягодок, затем погостил и переночевал у медведей и вернулся домой, где он стал рассказывать – где был.

Здесь уже отсутствует формульный зачин по типу «Жили-были». Однако фольклорные мотивы включаются с первых строк – автор наделяет животных человеческими качествами. Птицы свободно общаются с мальчиком и отвечают на его просьбы. Такой элемент присутствует практически во всех русских народных сказках. В отличие от «Гусей-лебедей», где птицы крадут мальчика, Иванушко добровольно отправляется в путешествие.

Гуси-лебеди и являются героями-проводниками в сказочный мир, который у Честнякова всегда находится рядом с реальным. И. А. Едошина, говоря о волшебных сказках, указывает на роль зооморфных персонажей, без помощи которых герой не может обойтись, именно эту «сторону мифологического мировосприятия Честняков активно и весьма искусно использует» [15, с. 31].

Многие исследователи русских волшебных сказок обращали внимание на использование завораживающих, порой алогичных характеристик места действия событий: «Путешествие героя понимается как мысленный путь в иной, таинственный и неведомый мир, представления о котором отображены также большим количеством нарицательных сочетаний с пространственным значением (в некотором царстве, за тридевять земель, в тридесятом государстве и другое)» [11]. Пространство гиперболизируется и

представляется чем-то безграничным и бесконечным [23]. В этом сказки Честнякова отличаются от фольклорных – Ефим не только писатель, но и талантливый художник. Он писал картины не только на холстах, но и на страницах своих сказок – подробная передача окружающего пространства, погружение читателя в самобытную деревенскую атмосферу – вот характерная черта Честнякова. С этой идеей солидарна И. А. Едошина. Она также отмечает особенность художественного пространства на примере сказки «Иванушко»: «Художественное пространство сказки вытянуто по вертикали: от солнца к земле, а от земли – к небу. С высоты птичьего полета деревни, поля почти на глазах умяются. Но автор не забывает подробности. Все точь-в-точь как на картинах Честнякова, пространство буквально «набито» людьми и предметами. Микрокосм на глазах оборачивается макрокосмом, чтобы тут же «сжаться» до озера с птицами» [15, с. 31]. Зрительное расширение-сужение пространства в сказке соотносимо с расширением-сужением зрения души автора, который видит бескрайнюю красоту и природные богатства родного края. «...У нас не Италия. У нас скромнее. Зато там нет того, что у нас. Нет у них таких морозов, и вот такой синевы-маревы, лесов таких» [30, с. 88].

Олицетворение явлений и предметов природного мира в сказках Честнякова связано и с общими древними языческими представлениями о существовании особых обитателей леса и других форм пространства, являющихся его хозяевами, и местными кологривскими поверьями. Например, в сказке «Сергиюшко» мальчик получает в гостинец ягоды от баушки Берёзы и встречается в лесу со старичком с длинной «до полу» бородой. В сказке «Иванушко» главный герой гостит в избушке у дедушка-медведюшка, доброжелательно общается с ним и его медведицей. В «Чудесном яблоке» сова и тетерев смеются над стариком и дают ему советы, как увезти огромное яблоко из леса. Эти сказки, как и многие другие, проиллюстрированы Честняковым в духе лубочных картинок, которые, как правило, и были распространены в крестьянской среде.

На основе собранной информации можно сформировать общую таблицу, в которой мы упорядочили зафиксированные фольклорные элементы в сказках «Иванушко», «Сергиюшко», «Чудесное яблоко».

Таблица 1. – Фольклорные элементы в сказках Е. Честнякова

Фольклорные элементы	«Чудесное яблоко»	«Иванушко»	«Сергиюшко»
Зачин	«Жили-были...»	«Вышел Иванушко на крылечко...»	«Жил-был парнек...»
Изобилие	Концовка: Вся деревня ела яблоко на протяжении долгого времени.	В центре повествования: дома у гусей-лебедей Иванушка наелся различных ягод.	Концовка: Все посадили семена ягод и они разрослись по всей деревне.
Герой-наставник	Тетерев, сова	Гуси-лебеди	Пташечка
Чудо-предмет	Большущее яблоко	-	Большая ягода
Лексика	Дедушко, парнёков; особенно, сколь, до-выгреба.	Житницы, овины, мякинницы; потчует, осередь, незнаючи.	Баушка, пташенька; кулиги, галанка, шоргунцы.

Таким образом, подробно проанализировав сказочные тексты Честнякова, можно утверждать, что большинство сказок имеют огромное влияние народного творчества и содержат в себе фольклорные элементы, такие как сказочная композиция (зачин, развитие, концовка), формульные выражения и словосочетания («Жили-были» и др.), сказочные типы героев

(отправитель, спаситель, проводник и др.), устаревшую лексику и диалектизмы.

На основе данного анализа можно выделить мотивы сказочного творчества художника – это коллективный труд и единство в достижении цели; появление рукотворного чуда; обыкновенное чудо – гармония и красота окружающего мира; мотив благословения праведного труда. Во всех сказках лейтмотивом является изобилие. В «Чудесном яблоке» это – огромное яблоко, которым кормят всю деревню. В сказке «Сергиюшко» – большая ягода, полученная мальчиком в награду за труд. Мотив всеобщего изобилия – ведущая творческая идея Честнякова. Художник свято верил, что созданное в его художественном мире (радость, изобилие, бескорыстность и счастье) когда-нибудь преобразит действительность. В ряде сказочных текстов художника отчетливо просматривается мораль. Так, в сказках «Чудесное яблоко» – делись с ближним, знай меру. В «Сергиюшко» – не бери чужого; неизбежное наказание за проступки, дурные дела – в «Сергиюшко». Следовательно, есть специфика назидательного и поучительного характера сказок Честнякова, заключающаяся в облагораживающем воздействии на мысли и чувства читателя, в желании подарить надежду на улучшение жизни и приобщить к творчеству – что, несомненно, характерно и для устного народного творчества.

Словесное искусство Честнякова (в прозе и стихах), впитав в себя народное, приняло сказочную форму, чем-то «напоминающую не то былины, не то русские задушевные напевы» [18, с. 16].

Выводы по второй главе

Проведя исследование сказок Ефима Васильевича Честнякова, мы пришли к таким выводам:

1. Количество изданных сказок автора, к сожалению, небольшое. Нам удалось найти и проанализировать около 10 сказок писателя (среди них

«Иванушко», «Сергиюшко», «Чудесное яблоко», «Ручеек» и др.). Такие сказки, как «Шабловские чудеса», «Сказка про цветок», «Гармонь за копейку», «Город Талалай», а также сказки в стихах «Праздничное шествие "Мир"», «Макар», «Подземное царство родника», «Сказка о чудалах», «Хоревы робята», «Рура», «Несеся», «Король Оксин», «Тая», «Тимофеюшко», «Сказка про Ивана Царевича» и др. оказались недоступны для чтения и исследования, так как от них остались по несколько строк, иногда начало, а часто – лишь названия, упомянутые Честняковым в письмах.

2. Свои сказки Честняков часто иллюстрировал собственными картинками. Таким образом, можно говорить о синкретизме творчества Честнякова.

3. Фольклорные истоки в сказках Е. Честнякова и другие важные аспекты для понимания мироощущения автора исследовали такие российские литературоведы и фольклористы, как Игорь Сергеевич Шаваринский, Виктор Яковлевич Игнатъев, Евгений Петрович Трофимов, Елена Александровна Самоделова, Нина Ивановна Савушкина и другие.

4. В основу сказок Е. Честнякова легли быт, атмосфера, в которой жил писатель, весь житейский уклад крестьян, безусловно, являлись основной благоприятной средой для его творчества. На любовь Честнякова к народной культуре и сказкам во многом повлияла его бабушка. Она обладала прекрасным даром импровизации, знала много сказок, умела говорить о житейских вещах и событиях так, что они приобретали поэтический, сказочный характер.

5. Сюжетную основу многих сказок автора составляют народные русские сказки: так, например, сказку «Чудесное яблоко» можно считать рецепцией сказки «Репка», а сказка «Иванушко» - рецепцией сказки «Гуси-лебеди» и т.п.

6. Кроме этого, Честняков позаимствовал у народной сказки композицию (зачин, развитие, концовка), формульные выражения и словосочетания («Жили-были» и др.), сказочные типы героев (отправитель,

спаситель, проводник и др.), устаревшую лексику и диалектизмы. Отличием является восприятие пространства и окружающего мира. Если в фольклорных сказках пространство бесконечное и необъятное, то у Ефима Честнякова – очень подробное и осязаемое. В некоторых эпизодах пространство «буквально «набито» людьми и предметами».

7. Изучением авторского стиля Ефима Честнякова занимались такие ученые как Галина Дмитриевна Неганова, Елена Геннадьевна Веселова, Игорь Сергеевич Шаваринский, Нина Семёновна Ганцовская и др.

8. В сказочных текстах Честнякова встречаются костромские, кологривские, верхнеунжинские диалектные слова. Так как писатель высоко ценил языковые традиции родного края, то старался передать все особенности местной речи в своих сказках. На фонетическом уровне характерно «оканье», что также отражается и в письменной речи, например – **медведушко, дедушко, кокушка кокует** (вместо кукушка кукует). На морфологическом уровне – преобладает изменение глагольных форм. Например, форма глагола на -ся после гласного: **заприся, заблудися**; форма глагола с редукцией согласного: **мотри** – вместо смотри, **казали** – вместо показали. На лексическом уровне – использование уникальных костромских слов – «ондрец», «княженички», «поденье» и многие другие. Важно упомянуть, что диалектный язык очень тесно связан с фольклором, который в первую очередь является устным народным творчеством и также несет в себе идею самобытности и общности народа. Если убрать из сказок Е. Честнякова диалектные слова и заменить их более высокочастотными эквивалентами – утратится колорит произведения, связь между прошлым и будущим народного языка.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что одной из целей создания Ефимом Честняковым сказок была потребность в сохранении родной русской речи.

Заключение

Проведя исследование в рамках заданной темы, мы пришли к следующим выводам:

Фольклор и литература – словесные искусства. Между ними существует много общих черт (жанровая система, конфликты, сюжетика, типы героев и пр.). Также мы отметили и наличие специфических особенностей у каждого из этих видов художественной словесности. Фольклор и литература всегда находились во взаимодействии. Народная словесность оказала влияние на творчество таких мастеров русской литературы, как А. С. Пушкин, В. И. Даль, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, Н. А. Некрасов, И. А. Бунин, А. А. Блок, М. И. Цветаева, М. М. Пришвин, К. Г. Паустовский, С. Г. Писахов, Б. В. Шергин, В. И. Белов, В. М. Шукшин и др.

Проблемами взаимоотношений устного народного творчества и письменной литературы занимались такие ученые, как Владимир Яковлевич Пропп, Варвара Павловна Адрианова-Перетц, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Эрна Васильевна Померанцева, Виктор Ильич Калугин, Евгений Алексеевич Костюхин и многие другие.

Общим между литературой и фольклором является то, что обе системы представляют собой вид словесно-художественного творчества; фольклор и литература всегда находились в тесной взаимосвязи, оказывая взаимное влияние друг на друга; литература на протяжении столетий активно усваивала фольклорные традиции. Между литературой и фольклором есть существенные различия. Для фольклора характерны следующие черты: устный характер бытования; синкретизм или единство искусств – словесного, музыкального, театрального и др.; вариативность – отсутствие постоянного или канонического текста; коллективный характер или отсутствие конкретного автора. Различия также есть и в поэтике: если для фольклора важнейшим «атрибутом» поэтики является формульность, т.е. использование словесных клише и устойчивых

выражений, то для литературы требуется оригинальность и свежесть словоупотребления.

Изучение истории развития сказки как фольклорного жанра позволяет утверждать, что она стала неотъемлемой частью народной культуры. Сказки возникали задолго до появления письменности и были исключительно устного характера. Они рассказывались родителями и старшими поколениями детям, передавая таким образом ценности, нормы и традиции своего народа. С течением времени сказки были записаны и сохранены в письменном виде, что способствовало их распространению и изучению.

Между сказкой фольклорной и авторской есть много общего. Для волшебной сказки – и авторской, и народной – характерно линейное развитие сюжета, наличие двух миров («этого» и «того»), обозначение границы между двумя мирами и описание ее перехода. Кроме этих композиционных элементов, в сказке наличествует герой и его противник, волшебные помощники. Также для сказки как жанра характерна «любовная коллизия». И, конечно, в сказке зло преодолевается, побеждается добром. Авторская сказка, зародившись на фоне фольклора, является самостоятельным произведением, потому что включает в себя моменты, не характерные для фольклорной сказки: наличие автора и его мировоззрения, включение в сказочный текст оригинальных элементов (например, бытовой реальности, атрибутов современности); авторская сказка отличается и стилем, особым отношением к слову и т.п.

Фольклорные истоки в сказках Е. Честнякова и другие важные аспекты его поэтики исследовали такие российские ученые, как Игорь Сергеевич Шаваринский, Виктор Яковлевич Игнатъев, Евгений Петрович Трофимов, Елена Александровна Самоделова, Нина Ивановна Савушкина и др. В основу сказок Е. Честнякова легли быт, атмосфера, в которой жил писатель, весь житейский уклад крестьян, безусловно, являлись основной благоприятной средой для его творчества. На любовь Честнякова к народной культуре и сказкам во многом повлияла его бабушка. Она обладала прекрасным даром

импровизации, знала много сказок, умела говорить о житейских вещах и событиях так, что они приобретали поэтический, сказочный характер.

Сказки Честнякова содержат такие фольклорные элементы, как сказочная композиция (зачин, развитие, концовка), формульные выражения и словосочетания («Жили-были» и др.), сказочные типы героев (отправитель, спаситель, проводник и др.), устаревшую лексику и диалектизмы. Отличием является восприятие пространства и окружающего мира. Если в фольклорных сказках пространство бесконечное и необъятное, то у Ефима Честнякова – очень подробное и осязаемое. В некоторых эпизодах пространство «буквально «набито» людьми и предметами». Изучением стиля речи писателя Ефима Честнякова занимались такие ученые как Галина Дмитриевна Неганова, Елена Геннадьевна Веселова, Игорь Сергеевич Шаваринский, Нина Семёновна Ганцовская и др.

Мы выясняли, что в сказках Честнякова встречаются костромские, кологривские, верхнеунжинские, что позволяет сделать вывод о том, что одной из целей создания Ефимом Честняковым сказок была потребность в сохранении родной русской речи.

Издана и нами изучена та часть наследия Честнякова-писателя, которую удалось собрать из первых публикаций, впоследствии объединенных в сборники, некоторых рукописных вариантов. Однако огромная часть литературного наследия Честнякова остается неизданной – тексты или утрачены, или не дописаны автором, или еще не расшифрованы. Следовательно, нашим исследованием изучение литературного творчества Честнякова не заканчивается.

Таким образом, задачи исследования реализованы, а цель достигнута.

Список литературы

1. Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор / Гишинская Н. Г. – Л.: Наука, 1974. – 167 с.
2. Аксенова Г. В. Русская книжная культура на рубеже XIX-XX веков: Монография – М.: МПГУ, 2011. – 200 с.
3. Аникин В. П. Русская народная сказка. – М.: Художественная литература, 1984. – 176 с.
4. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки – М.: ТЕРРА, 2008. – 320 с.
5. Базанов В. Г. Русская литература и фольклор. XI — XVIII вв. – Л.: 1970. – 316 с.
6. Бакалай А. Г. Словарь русского речевого этикета – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001 – 672 с.
7. Брауде Л. Я. К истории понятия «литературная сказка» / Известия АН СССР: Сер. лит. и яз., 1997. – 268 с.
8. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово: Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. - Кострома: Костромаиздат, 2007. - 224 с
9. Ганцовская Н.С. Словарь говоров костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. -Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова: Изд-во «ТЕРРА», 2015. - 512 с
10. Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. – М.:1978. – 278 с.
11. Горбачёва О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок. – Орёл: 2008. – 28 с.
12. Гумбольдт В. фон – Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
13. Гусев В. Е. Русская народная художественная культура. – СПб.: СПбИТМиК, 1993. – 248 с.

14. Евгеньева А. П. Словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвистических исследований под редакцией А. П. Евгеньевой / Словарь русского языка, 4-е изд. – М.: Полиграф ресурсы, 1999. – 702 с.
15. Едошина И. А. О чем свидетельствуют тексты Ефима Честнякова (к проблеме отражения личности в тексте // Музейный хронограф 2013. Сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника / ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома: Костромаиздат, 2013. – 240 с.
16. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. – М.: Роща, 2019. – 624 с.
17. Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. – М.: Правда, 1991. – 544 с.
18. Игнатъев В. Я., Трофимов Е. П. Мир Ефима Честнякова. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 221 с.
19. Касаткин Л.Л. Русская диалектология / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, К.Ф. Захарова и др. – М.: Просвещение, 1989. – 244 с.
20. Коровин К. А.; Перов В. Г.; Васнецов А. М. Легенда о счастье. Сборник / Сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Б. Муравьева. – М.: 1987 – 639 с.
21. Костюхин Е. А. Лекции по русскому фольклору: учебное пособие / Е.А. Костюхин. – СПб.: ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. – 336 с.
22. Кравцов Н. И. Славянский фольклор: Учебное пособие / Н. И. Кравцов. – М.: МГУ, 2009. – 351 с.
23. Лебедева К. В. Особенности пространственно-временной организации текста русской волшебной сказки [Электрон. ресурс] / К. В. Лебедева. // Молодой ученый. — С., 2015 — Код доступа: <https://moluch.ru/archive/91/19808/> (дата обращения: 15.12.2024)
24. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. – Свердловск: Урал, 1992. – 183 с.
25. Лихачев Д. С. Взаимодействие литературы и фольклора. Исторические песни / АН СССР – М.: Наука, 1987. – 361 с.

26. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. – Л.: Наука, 1989. – 168 с.
27. Медриш Д. Н. Литература и фольклорные традиции. – С.: Издательство СГУ, 1980. – 247 с.
28. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
29. Никифоров А. Н. Русская волшебная сказка. – М.: ОГИ, 1987. – 333 с.
30. Обухов Р. Е. Пути в избах. Трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове. – М.: Междунар. Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2008. – 440 с.
31. Ончуков Н. Е. Северные сказки. – М.: Альма-Матер, 2023. – 1182 с.
32. Поваров В. Непризнанное призвание Ефима Честнякова. – Кострома: 1996. – 183 с.
33. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2014. – 332 с.
34. Пропп В. Я. Морфология сказки. – М.: Лабиринт, 2003. – 151 с.
35. Пропп В. Я. Русская сказка // Собрание трудов В. Я. Проппа – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
36. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – М., «Азбука-классика. Non-Fiction», 2024. – 448 с.
37. Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1957. – 80 с.
38. Пушкин А. С. Руслан и Людмила: поэмы. – СПб.: Лениздат, Команда А., 2013. – 349 с.
39. Святое Евангелие: издание с выделением слов Спасителя красным цветом: [на русском языке]. – М.: Вольный Странник, 2020 — 512 с.
40. Серов И. А. Честно о Честнякове. – Кострома: Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2002. – 40 с.
41. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-49. - М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2016.],

42. Соколов Б. М., Сколов Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1981. – 329 с.
43. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1959. – 16 с.
44. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
45. Тимофеев П. Руския сказки. – М.: Типография Пономарева, 1787. – 335 с.
46. Ушинский К. Д. Родное слово. – М.: Советские учебники, 2023. – 352 с.
47. Худяков И. А. Великорусские сказки. – М.: Наука, 1964. – 148 с.
48. Честняков Е. В. Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.
49. Честняков Е. В. Новые открытия советских реставраторов / сост. С. В. Ямщиков. – М.: Советский художник, 1985. – 140 с.
50. Честняков Е. В. Письмо к И. Репину от 18 декабря 1901 г. [Электронный ресурс] – Л.: Архив Академии художеств, режим доступа: <https://cosmograph.ru/chestnakov-repinu-1971/> (дата обращения: 10.01.2025)
51. Честняков Е. В. Сказки, баллады, фантазии [Текст]: [18+] / Е. В. Честняков; [авт.-сост. Р. Е. Обухов]. – Москва: Московские учебники, 2012. – 347 с.
52. Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Елеазара Моисеевича Мелетинского / РГГУ. – М.: Изд-во «Российский университет», 1993. – 352 с.
53. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор, очерки теории. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.
54. Шаваринский И. С. Театр Ефима Честнякова как феномен культуры: к проблеме синтетической природы творчества и его рецепции. – Иваново: 2016. – 220 с.

55. Эрленвейн А. А. Народные сказки, собранные сельскими учителями. – СПб.: Тропа Троянова, 2005. – 285 с.
56. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.